

эстетического наслаждения и является восторгом чистого познания и его путей».

Критически переосмысливая идеи Канта о возвышенном и прекрасном, франкфуртский философ сохраняет термины Канта и его «правильную классификацию», однако в истолковании внутренней сущности этих чувств, он вполне расходится с кенигсбергским мыслителем, и не признает «никакого участия ни моральных рефлексий, ни ипостасей схоластической философии».

Условия, вызывающие эти чувства, существуют только в нашем представлении, как модификации субъекта чистого познания «того субъекта, которым мы себя осознаем, лишь только забывая о своей индивидуальности... Все это однако становится не сейчас же объектом нашей рефлексии, а проявляется как предчувствие того, что в известном смысле мы составляем одно с миром».

Это предчувствие, подчеркивает Шопенгауэр, многократно выражается в различных формах в Упанишадах, и особенно в изречении «Я есмь все эти творения в совокупности, и кроме меня ничего не существует».

Раинская Регина Сергеевна

*Аспирантка Национальной металлургической академии Украины
г. Днепропетровск*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИСТИНЕ И МЕТОДАХ ЕЁ ПОСТИЖЕНИЯ: ИСХОДЯ ИЗ ДИАЛОГА ДРЕВНИХ ВЕДИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

В XX веке немецкий философ М. Хайдеггер, основатель фундаментальной онтологии, подверг деструктивному анализу всю историю западноевропейской метафизики, и таким образом показал, что классическое представление об истине неверное (подмененное), более того является причиной забвения современного человека. По мнению Хайдеггера со времен учения Сократа и Платона «Алетейя (истина) попадает в упряжку идеи» [1, с. 357], бытие, становится жертвой разума и следовательно софия, становится философией.

В древнегреческом языке истина звучит как «а-летейя», что буквально означает «не сокрытое», «не потаенное». Алетейя, в изначальном смысле – значит вырванное из потаенного, из небытия. Платон же, по мнению Хайдеггера, связал понятие Истины (алетейи) с понятием Идеи (эйдос), и тем самым на долгое время подверг забвению само Бытие и ввел в эпоху неведения человека. Подобно Богу, который наделяет душу несовершенным телом, философ придает истине идею, делая ее таким путем уловимой и осязаемой для

разума, но лишенной жизни. Результат подобной подмены существа истины – каждый раз, когда мы пытаемся познать истину, мы познаем лишь границы собственного ума.

Пытаясь разрешить кризис метафизики (и пробудить человека) Хайдеггер призывает нас обратиться непосредственно к созерцанию Бытия, как изначальной Истины, как первоисточнику всего сущего. Философ предлагает выйти за границы обуславливающего разума. На наш взгляд призыв Хайдеггера, по сути дела, есть призыв к мистическому опыту познания.

Рассмотрим представление об истине на Востоке в Ведах, где преобладает мистический подход к познанию. Согласно древним ведическим писаниям Индии, таким как Бхагавад-гита, Веданта-сутры, мукхья упанишадам, суть человека (Атман), вечное и неизменное Я, обладает тремя основными качествами, а именно: бытие-знание-блаженство, что на санскрите выражается таким понятием как «сат-чит-ананда». Тайттирия упанишада гласит: «Брахман – действительный (сат), знающий (чит), бесконечный (ананда), скрытый в тайнике [сердца], в наивысшем пространстве...» [2, с. 83-84].

В древнем языке санскрите понятие «сат» - буквально означает Бытие, а также Истину. «Что такое истина, - спрашивает индийский философ У.Мишара, - которую даршана помагает нам познать? Единственная истина – конечная цель индийской интеллектуальной деятельности – есть непосредственное постижение Атмана. Все даршаны стремятся к истинному знанию Атмана соответственно своим собственным точкам зрения» [3, с.55].

Постижение истины, согласно Ведам, есть процесс постижения сути самого человека – неизменного Духа (Атмана=Брахмана). Также как и у Хайдеггера, постижение Бытия ведет к постижению самого вопрошающего, ведические тексты говорят о том, что постижение Истины ведет нас к самопознанию.

Однако каков метод постижения истины? М.Хайдеггер использует метод деструктивного анализа истории философии и языка. Веды предлагают нам интересный метод «нидидхьясаны», который означает «погружение в сущее», «глубинное созерцание», «трансцендентальную эстетику».

Результат подобного мистического проникновения в суть вещи – постижение единой природы всего сущего и несущего, которая есть суть Истина, или само Бытие. Придать этой истине форму образа (эйдоса), или слова (логоса), или же оставить ее в животрепещущей «форме» неизреченного бытия – остается на правах самого художника.

Литература:

1. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Время и бытие. – М.: Логос, 1993. - С. 345-361.

2. Упанишады. Перевод, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина –М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. Научно-издательский центр «Ладомир», 1992. Т.2.
3. Чаттопадхья Д. От санкхьи до веданты. Индийская философия: даршаны, категории, история. Пер. с англ. – М.: Сфера, 2003.

Мирошниченко Максим Дмитриевич

*Студент факультета общественных наук
и международных отношений
Днепропетровского национального
университета имени Олеся Гончара*

ГЕРМЕНЕВТИКА ФАКТИЧНОСТИ М. ХАЙДЕГГЕРА И ОБЫДЕННЫЙ ЯЗЫК

В своем проекте фундаментальной онтологии Хайдеггер предпринимает попытку опрашивания сущего на предмет его репрезентированности в бытии. Бытие суть всегда бытие сущего, а наиболее доступной для опрашивания форме бытие сущего представлено присутствием (Dasein).

Хайдеггер считает, что смысл бытия – главное искомое его исследования в книге «Бытие и время», является определенным образом доступным. Эта доступность неявно содержится в формальной структуре вопроса «что есть бытие?», причем Хайдеггер делает особый акцент на том, что нам уже доступна экспликация «есть» без осведомленности о том, что это «есть» означает. С определенной степенью уверенности можно догадаться, что в случае, только что описанной, так называемой усредненной и смутной понятности бытия, Хайдеггер имеет в виду нашу неявную осведомленность в референте термина «бытие» без того, чтобы явно владеть дефиницией и/или остенсивным определением референта оного.

Поэтому для полного разворачивания искомой экспликации бытийного вопроса необходимо обратиться к тому сущему, которое наиболее ярко высвечивается в своем бытии, провести опрос на предмет его бытия. Хайдеггер утверждает, что наиболее близким и доступным для такого опроса спрашиваемым является присутствие (Dasein) – сущее, которое мы всегда суть и которое обладает максимальной возможностью быть спрошенным. По своей сути присутствие всегда антропологично, это бытие человека.

Наиболее репрезентативным присутствием, по мнению Хайдеггера, является повседневно усредненное присутствие, то привычное, “уютное”